

Взаимосвязь экономического роста и качества жизни населения: от механизма взаимовлияния к международному контексту

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Россия

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Неволина Софья Евгеньевна

Студент

ФГБОУ ВО Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Россия

E-mail: nevolinase.23@edu.ystu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономический рост;
качество жизни населения;
валовой внутренний
продукт; субъективное
благополучие; устойчивое
развитие

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи экономического роста и качества жизни населения в контексте современных теоретических подходов и международного опыта. Проведен анализ отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных влиянию экономического роста на объективные и субъективные компоненты качества жизни. Показано, что положительное воздействие экономического роста наиболее отчетливо проявляется в улучшении здоровья населения, увеличении продолжительности жизни, снижении бедности и расширении доступа к образованию и общественным услугам, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов. Вместе с тем обосновано, что повышение валового внутреннего продукта не гарантирует автоматического роста благополучия населения, поскольку результаты экономического развития зависят от качества общественных институтов, уровня социально-экономического неравенства, состояния окружающей среды и эффективности государственной политики. Особое внимание уделено двустороннему характеру взаимосвязи, согласно которому качество жизни выступает не только результатом экономического роста, но и важным фактором долгосрочного экономического развития посредством накопления человеческого капитала, укрепления общественного доверия и повышения инвестиционной привлекательности территорий. На основе анализа международных кейсов Республики Корея, Норвегии и Коста-Рики показано, что устойчивое повышение качества жизни определяется не столько масштабами экономического роста, сколько эффективностью преобразования экономических ресурсов в человеческое развитие, социальную защищенность и экологическую устойчивость. Сделан вывод о необходимости перехода от оценки темпов роста валового внутреннего продукта к комплексной оценке качества социально-экономического развития.

JEL codes: I31, O15, O47, D63, Q56

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-189-202>

Для цитирования: Шкиотов, С.В. Взаимосвязь экономического роста и качества жизни населения: от механизма взаимовлияния к международному контексту / С.В. Шкиотов, С.Е. Неволина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.189-202. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

В современных условиях оценка качества жизни населения приобретает особую значимость как комплексный показатель экономического развития страны или региона. Традиционные макроэкономические индикаторы, такие как валовой внутренний продукт (ВВП), объём промышленного производства, инвестиции в основной капитал и доходы бюджета, характеризуют преимущественно масштабы и динамику хозяйственной деятельности. Однако они не позволяют в

полной мере определить, насколько результаты экономического роста преобразуются в реальные социальные блага, повышение благосостояния граждан и расширение возможностей для удовлетворения их потребностей. В связи с этим качество жизни населения выступает важнейшим критерием социальной направленности и эффективности экономического развития.

Особую значимость рассматриваемая проблематика приобретает в контексте перехода к человекоцентричной модели экономического развития. В рамках данной модели население рассматривается не только как трудовой ресурс или потребитель произведённых благ, но и как главная цель социально-экономической политики. Экономическое развитие признаётся результативным в том случае, если оно сопровождается снижением бедности, ростом реальных доходов, повышением доступности общественных услуг, улучшением демографической ситуации и созданием благоприятной среды для жизни. Поэтому оценка качества жизни необходима для определения степени соответствия макроэкономической политики интересам и потребностям населения.

Экономическая литература, посвященная взаимосвязи экономического роста и качества жизни населения, свидетельствует о наличии устойчивой, но неоднозначной зависимости между данными явлениями. Так, в межстрановых исследованиях более высокий уровень ВВП на душу населения, как правило, ассоциируется с лучшими показателями здоровья, образования и материального благосостояния населения [1-3]. Однако исследования временной динамики показывают, что увеличение ВВП не всегда сопровождается повышением субъективного благополучия, социальной справедливости и экологической устойчивости качества жизни [1, 4, 5].

Современные исследования сходятся во мнении, что влияние экономического роста на качество жизни носит опосредованный характер. Так, наиболее выраженное положительное воздействие наблюдается в отношении объективных характеристик качества жизни, включая состояние здоровья населения, ожидаемую продолжительность жизни и уровень материального обеспечения, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов [6, 7]. Вместе с тем эффективность экономического роста существенно снижается при высоком уровне социально-экономического неравенства, недостаточном уровне общественного доверия, перегруженности инфраструктуры и ухудшении экологической ситуации [8-10]. Более того, ряд исследований рассматривает качество жизни не только как результат экономического развития, но и как самостоятельный фактор экономического роста посредством накопления человеческого капитала, повышения привлекательности территории для квалифицированной рабочей силы и инвестиций, а также улучшения качества городской среды [11-13].

Одним из наиболее устойчивых выводов, который следует из анализа современных экономических исследований, является различие между объективными и субъективными компонентами качества жизни. При этом наиболее надежные эмпирические результаты получены в отношении объективных показателей. Например, в развивающихся странах экономический рост способствует снижению младенческой смертности, увеличению ожидаемой продолжительности жизни и улучшению обеспеченности населения продовольствием, однако величина данного эффекта уменьшается по мере достижения более высокого уровня экономического развития [6]. Аналогичные результаты получены и для менее развитых стран, где рост ВВП положительно влияет на продолжительность жизни и уровень питания населения, тогда как образование и урбанизация нередко оказываются более значимыми факторами улучшения отдельных социальных показателей, чем сам экономический рост [19]. В частности, исследования регионов Китая также подчеркивают наличие порогового эффекта: положительное влияние экономического развития на общественное здоровье существенно усиливается после достижения определенного уровня экономического развития, причем величина данного порога различается между регионами [7].

Значительно менее однозначны результаты, полученные в отношении субъективного благополучия населения. Хотя в краткосрочном периоде экономический рост обычно сопровождается повышением

удовлетворенности жизнью, в долгосрочной перспективе данная взаимосвязь ослабевает и в отдельных исследованиях становится статистически незначимой [1, 4]. Вместе с тем международные сравнительные исследования показывают, что положительное влияние экономического роста на субъективное благополучие сохраняется при условии высокого уровня общественного доверия и снижения социально-экономического неравенства, особенно в странах с высоким уровнем доходов [8]. Кроме того, установлено, что экономические спады оказывают существенно более сильное отрицательное влияние на субъективное благополучие населения, чем экономический подъем аналогичной величины оказывает положительное воздействие [15]. Исследования на основе панельных данных Китая также подтверждают нелинейный характер данной зависимости и демонстрируют, что рост неравенства непосредственно снижает уровень субъективного благополучия и одновременно ослабляет положительное влияние экономического роста [9].

Отдельное направление исследований посвящено обратной причинно-следственной связи между качеством жизни и экономическим развитием. Полученные результаты свидетельствуют о том, что повышение качества жизни само по себе способно стимулировать экономический рост. Так, исследования регионов Китая показывают наличие положительного и нелинейного влияния качества жизни на экономическое развитие, причем наиболее сильный эффект наблюдается в регионах с уже высоким уровнем благосостояния [11]. Аналогичные выводы получены для США, где высокое качество жизни усиливает экономическую отдачу человеческого капитала, особенно в неметропольных территориях [12]. Кроме того, развитая социальная инфраструктура, благоприятная экологическая среда и высокое качество городских удобств способствуют привлечению инвестиций, квалифицированных работников и новых жителей, формируя дополнительные источники устойчивого экономического роста [13, 21, 22].

Таким образом, современные исследования свидетельствуют, что экономический рост значительно лучше объясняет изменения объективных компонентов качества жизни, чем субъективных. Наиболее устойчивые результаты относятся к показателям здоровья, продолжительности жизни, питания и человеческого развития, прежде всего в странах с низким и средним уровнем доходов [6, 19, 20]. Вместе с тем влияние экономического роста на качество жизни не является универсальным и существенно зависит от механизмов распределения доходов, эффективности общественных институтов, доступности социальных услуг и состояния окружающей среды [5, 8–10, 16, 23].

Кроме того, анализ современной литературы позволяет сделать вывод, что в исследованиях произошел переход от оценки самого факта существования связи между экономическим ростом и качеством жизни к изучению механизмов, посредством которых экономический рост трансформируется в общественное благосостояние. Экономический рост перестает рассматриваться как самостоятельная цель развития и все чаще интерпретируется как ресурс, эффективность которого определяется качеством институтов, уровнем социального доверия, степенью неравенства, развитием человеческого капитала и экологической устойчивостью. Следовательно, в современных условиях ключевым фактором повышения качества жизни выступают не столько темпы роста валового внутреннего продукта, сколько способность государства и общества преобразовывать результаты экономического роста в устойчивые социальные и человеческие достижения.

Цель данного исследования – исследовать механизмы влияния экономического роста на качество жизни населения и определить факторы, обеспечивающие трансформацию экономического роста в устойчивое общественное благосостояние.

Основная часть

Проблема взаимосвязи между качеством жизни населения и экономическим ростом занимает центральное место в современной экономике благосостояния, теории человеческого развития и исследованиях устойчивого развития. На протяжении большей части XX века увеличение ВВП рассматривалось одновременно как главный показатель развития и как важнейшая цель экономической политики. Предполагалось, что расширение производства автоматически ведёт к росту занятости,

доходов и потребления, а следовательно – к повышению общественного благосостояния. Эта логика сохраняет значительную объяснительную силу: общества с более высокой производительностью обычно обладают большими возможностями для борьбы с бедностью, финансирования медицины, образования, инфраструктуры и социальной защиты.

Однако накопленные эмпирические данные показывают, что ВВП характеризует объём рыночного производства, но не даёт исчерпывающей информации о том, как живут люди, каким образом распределяются результаты производства и насколько достигнутый уровень благополучия устойчив во времени. ВВП не отражает непосредственно состояние здоровья, безопасность, качество окружающей среды, жилищные условия, баланс труда и отдыха, социальные связи, политические возможности и удовлетворённость жизнью. Кроме того, некоторые виды деятельности повышают ВВП, одновременно компенсируя или устраняя ущерб: расходы на лечение заболеваний, ликвидацию последствий загрязнения либо восстановление после катастроф увеличивают экономическую активность, но не обязательно свидетельствуют о росте благополучия.

Из этого следует, что связь между ростом ВВП и качеством жизни нельзя описать простой линейной функцией. Корректнее представить её в виде цепочки: экономический рост → распределение создаваемого дохода → занятость и доходы домохозяйств → частное и общественное потребление → фактические возможности человека → объективные результаты → субъективная оценка жизни.

Рассмотрим воздействие экономического роста на качество жизни населения. Для этого выделим и проанализируем несколько каналов влияния:

1. Доходы, потребление и сокращение бедности. Наиболее непосредственный канал воздействия экономического роста связан с увеличением заработной платы, предпринимательских доходов, социальных выплат и занятости. Для малообеспеченных групп даже относительно небольшое повышение реального дохода может радикально изменить качество питания, жилищные условия, доступ к лекарствам, образованию и транспорту. Поэтому предельная социальная отдача роста наиболее высока в странах с массовой абсолютной бедностью.

Экономический рост расширяет спрос на труд и способствует переходу работников из низкопроизводительной занятости в более производительные отрасли. Индустриализация и урбанизация могут сопровождаться ростом заработков, формализацией занятости и расширением доступа к инфраструктуре. Однако сокращение бедности зависит от эластичности доходов малообеспеченных групп по отношению к росту ВВП. Если основная часть дополнительного дохода приходится на верхние группы, положительный эффект для большинства населения оказывается слабее.

Следовательно, важны не только средние темпы роста, но и его инклюзивность. ОЭСР определяет инклюзивный рост как динамику, которая расширяет возможности участия в экономике и обеспечивает достаточно широкое распределение результатов процветания. Такой подход включает не только денежные доходы, но и доступ к качественным рабочим местам, здравоохранению и образованию.

Неравенство способно ослаблять положительную связь между ростом и качеством жизни по нескольким причинам. Во-первых, средний доход может увеличиваться при стагнации медианного дохода. Во-вторых, домохозяйства с низкими доходами направляют большую долю ресурсов на базовые потребности, поэтому перераспределение в их пользу создаёт более значимый прирост фактического благополучия. В-третьих, высокая концентрация доходов ограничивает доступ части населения к образованию, медицине и жилищным возможностям. Исследования ОЭСР показывают, что чрезмерное неравенство может также сдерживать последующий рост, поскольку снижает возможности малообеспеченных семей инвестировать в знания и навыки детей.

2. Государственные доходы и общественные услуги. Рост экономики увеличивает налоговую базу. При неизменной налоговой нагрузке государство получает больше ресурсов для финансирования здравоохранения, образования, социальной защиты, транспорта, водоснабжения, благоустройства

и цифровой инфраструктуры. В странах с низким доходом этот канал особенно важен: бюджетные ограничения нередко препятствуют созданию базовых систем санитарии, вакцинации и начального образования.

Однако автоматического перехода от роста доходов бюджета к повышению качества услуг не существует. Результат зависит от качества государственного управления, бюджетных приоритетов и эффективности расходов. Дополнительные поступления могут направляться на человеческий капитал и инфраструктуру, а могут расходоваться неэффективно, концентрироваться в административном секторе или использоваться для проектов с низкой общественной отдачей.

Важна также универсальность общественных услуг. Если медицинская и образовательная системы доступны преимущественно обеспеченным слоям или крупным городам, рост бюджетов не устраняет территориальные и социальные различия. Напротив, универсальный доступ позволяет превратить часть результатов экономического роста в коллективное благо, которое повышает качество жизни независимо от индивидуального дохода.

3. Занятость и качество труда. Работа является не только источником дохода. Она влияет на социальный статус, самооценку, структуру повседневной жизни и чувство включённости в общество. Поэтому рост, сопровождающийся созданием устойчивых и безопасных рабочих мест, оказывает более сильное положительное воздействие, чем рост, основанный на нестабильной, неформальной или чрезмерно интенсивной занятости.

Для оценки качества роста необходимо учитывать уровень безработицы, продолжительность рабочего времени, производственный травматизм, социальные гарантии, возможности обучения и автономию работника. Быстрое расширение выпуска может сопровождаться переработками, профессиональным выгоранием и ухудшением баланса между трудом и личной жизнью. В этом случае увеличение дохода частично компенсируется потерями свободного времени и здоровья.

В частности, ОЭСР включает в систему благополучия не только уровень занятости, но и длительную безработицу, гендерный разрыв в оплате труда, чрезмерно продолжительную работу и баланс времени. Это отражает принципиальное различие между количеством созданных рабочих мест и их качеством.

4. Здоровье и продолжительность жизни. Рост доходов способствует улучшению питания, жилищных условий, санитарии, доступа к медицинской помощи и снижению детской смертности. Межстрановые сопоставления демонстрируют выраженную положительную связь между доходом и продолжительностью жизни, особенно на ранних стадиях развития. Однако по мере повышения доходов дополнительный вклад материального благосостояния уменьшается, а решающую роль начинают играть организация здравоохранения, образ жизни, профилактика, социальное неравенство и состояние окружающей среды.

Экономический рост может одновременно порождать новые риски: загрязнение воздуха, транспортный травматизм, малоподвижный образ жизни, стресс, профессиональные заболевания и распространение нездорового потребления. Поэтому чистый эффект определяется соотношением дополнительных ресурсов и возникающих издержек.

Эмпирические оценки ОЭСР показывают, что здоровье зависит не только от медицинских расходов, но и от образования, доходов, безработицы, образа жизни и загрязнения воздуха. Таким образом, экономическая и социальная политика воздействуют на здоровье одновременно по нескольким каналам.

5. Окружающая среда и устойчивость. На индустриальной стадии рост часто сопровождается увеличением потребления энергии и материалов, выбросами, загрязнением воды, деградацией почв и расширением городских территорий. Эти процессы могут повышать текущий ВВП, но снижать здоровье, комфорт проживания и устойчивость благополучия.

Экологические потери распределяются неравномерно. Домохозяйства с низкими доходами чаще проживают рядом с промышленными объектами и транспортными магистралями, имеют

меньшие возможности сменить место жительства и слабее защищены от климатических рисков. Следовательно, экологические последствия усиливают социальную дифференциацию качества жизни.

На более высоких стадиях развития появляется возможность относительного разрыва между ростом выпуска и экологической нагрузкой за счёт энергоэффективности, технологических инноваций, развития общественного транспорта и изменения структуры экономики. Однако такой переход не является неизбежным: он требует регулирования, инвестиций и включения экологических издержек в цены.

Вместе с тем, необходимо учитывать и обратное воздействие качества жизни на экономический рост.

Так, здоровое население обладает большей физической и когнитивной работоспособностью, реже отсутствует на рабочем месте, дольше сохраняет профессиональную активность и эффективнее инвестирует в образование. Снижение детской смертности и улучшение здоровья в раннем возрасте увеличивают будущий человеческий капитал.

Всемирный банк рассматривает здоровье и образование как компоненты человеческого капитала, определяющие будущую производительность работников. Индекс человеческого капитала сопоставляет фактический уровень здоровья и обучения с условной границей полного здоровья и качественного образования; его интерпретация непосредственно связана с потенциальной производительностью будущего поколения.

Влияние здоровья на рост проявляется с временным лагом. Инвестиции в питание детей, профилактику заболеваний и качество школы не всегда дают немедленный прирост ВВП, но формируют способности, которые определяют производительность через десять или двадцать лет. Это создаёт риск недоинвестирования, если политика ориентируется исключительно на краткосрочные макроэкономические показатели.

Например, образование повышает индивидуальную производительность и способность экономики осваивать новые технологии. Однако существенны не только продолжительность обучения и охват населения, но и его качество. Формальное увеличение числа лет, проведённых в школе, не гарантирует развития функциональной грамотности, математических компетенций и способности решать нестандартные задачи.

В моделях эндогенного роста человеческий капитал способствует созданию и распространению знаний. Квалифицированные работники быстрее осваивают оборудование, адаптируют зарубежные технологии и участвуют в инновациях. Поэтому расходы на образование одновременно повышают качество жизни как самостоятельную ценность и создают базу для будущего роста.

Возникает положительная обратная связь: рост позволяет финансировать образование, образование повышает производительность, а последующее увеличение производительности расширяет ресурсы для новых социальных инвестиций. Но возможна и отрицательная спираль: низкие доходы ограничивают доступ к обучению, дефицит квалификации сдерживает рост, а слабый рост сохраняет бюджетные ограничения.

Более того, системы социальной защиты нередко интерпретируются исключительно как расходы, уменьшающие ресурсы для инвестиций. Однако страхование от безработицы, доступная медицина, пенсионное обеспечение и поддержка семей могут выполнять продуктивную функцию. Они снижают риск катастрофического падения дохода, позволяют работникам искать более подходящую занятость, поддерживают потребительский спрос во время кризисов и облегчают инвестиции в обучение или предпринимательство.

Чрезмерная нестабильность может заставлять домашние хозяйства избегать долгосрочных проектов и концентрироваться на краткосрочном выживании. Поэтому разумная социальная защита увеличивает способность людей принимать продуктивные риски. При этом конкретный эффект зависит от конструкции программ: плохо спроектированные выплаты способны снижать

стимулы к формальной занятости, тогда как адресная помощь, активная политика рынка труда и доступ к переобучению поддерживают включённость в экономику.

Важно помнить, что качество жизни связано с уровнем межличностного и институционального доверия. В обществах с высоким доверием ниже транзакционные издержки, проще заключать договоры, развивать кооперацию и производить общественные блага. Предсказуемые правила и эффективная защита прав уменьшают неопределённость и стимулируют инвестиции.

Социальный капитал влияет и на устойчивость в периоды кризисов. Сильные горизонтальные связи, готовность к взаимопомощи и доверие к институтам облегчают коллективное реагирование на эпидемии, природные бедствия и экономические потрясения. В исследованиях субъективного благополучия социальная поддержка, свобода жизненного выбора, здоровая продолжительность жизни и восприятие коррупции объясняют значительную часть межстрановых различий наряду с ВВП на душу населения.

Кроме того, удовлетворённость жизнью не сводится к эмоциональному комфорту. Она может влиять на мотивацию, текучесть кадров, здоровье, кооперацию и творческую активность. Работники, испытывающие постоянный стресс, финансовую незащищённость или отсутствие контроля над собственной жизнью, менее способны к долгосрочному планированию и инновационному поведению.

При этом причинность является двусторонней. Высокий доход повышает удовлетворённость жизнью, но более здоровые, социально включённые и психологически устойчивые люди также чаще сохраняют занятость и получают более высокий доход. Поэтому эмпирическое разделение причин и следствий требует панельных данных и квазиэкспериментальных методов.

Необходимо помнить, что при низком исходном уровне дохода рост экономики прежде всего удовлетворяет базовые потребности: питание, безопасность, санитария и жильё. Поэтому его влияние на качество жизни особенно велико. После достижения определённого уровня дополнительные доходы чаще направляются на товары, значение которых связано с комфортом, статусом или относительным положением. Предельный прирост благополучия уменьшается.

Это не означает, что доход перестаёт иметь значение в богатых странах. Финансовые трудности, безработица и жилищная недоступность продолжают существенно влиять на жизнь. В докладе ОЭСР отмечается, что даже при устойчивости средних доходов и занятости многие домохозяйства сталкиваются с финансовой неуверенностью и ростом жилищных затрат. Однако после удовлетворения базовых потребностей возрастает относительная роль здоровья, свободного времени, доверия, семейных отношений, экологии и автономии.

Далее рассмотрим три международных кейса, наиболее ярко раскрывающих связь между экономическим ростом и качеством жизни населения (см. рис.1).

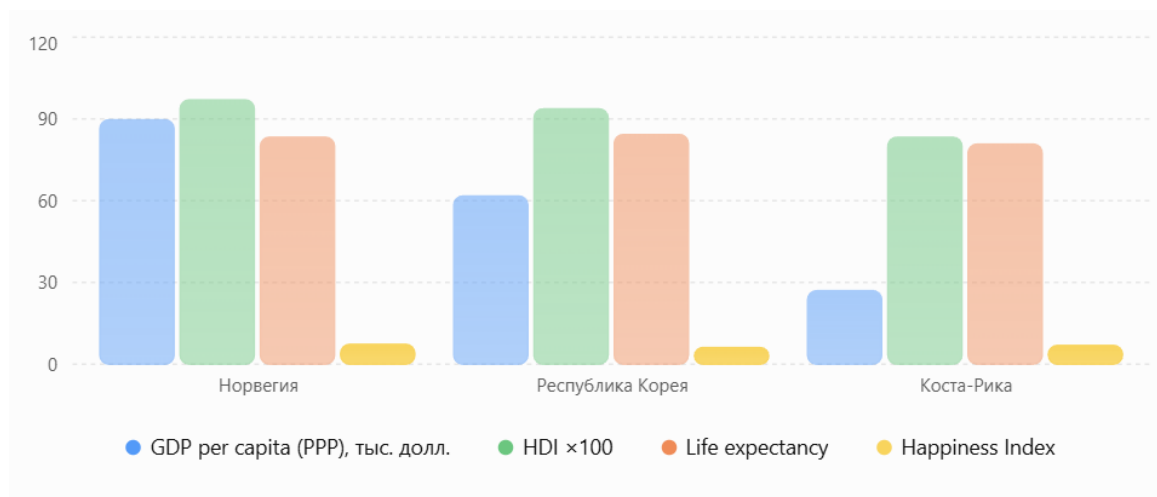

Рисунок 1 – Сравнение Республики Корея, Норвегии и Коста-Рики по показателям развития, 2023 г.
Источник: построено авторами

Кейс Южной Кореи представляет один из наиболее известных примеров успешной трансформации аграрной экономики в индустриальную и технологическую державу. Основой роста стали экспортноориентированная промышленная политика, инвестиции, развитие инфраструктуры, повышение образовательного уровня и последовательное освоение более сложных технологий.

Социальная результативность корейского роста проявилась в резком сокращении бедности, массовом распространении образования, развитии системы здравоохранения и увеличении продолжительности жизни. Исторические исследования Всемирного банка характеризовали корейский опыт как редкий пример сочетания быстрого роста с существенным снижением бедности. Современная оценка ОЭСР указывает, что за несколько десятилетий страна достигла значительного прогресса в продолжительности и безопасности жизни, образовательном охвате и материальном благополучии.

Корея иллюстрирует двустороннюю связь: индустриальный рост создавал ресурсы для образования и здравоохранения, а образованная рабочая сила обеспечивала освоение технологий и переход к производству с высокой добавленной стоимостью. По данным ПРООН за 2023 год, Республика Корея относилась к группе стран с очень высоким человеческим развитием: её ИЧР составлял 0,937, ожидаемая продолжительность жизни – 84,3 года.

Вместе с тем кейс Кореи показывает, что высокий ВВП и выдающиеся образовательные и медицинские показатели не устраняют всех дефицитов качества жизни. ОЭСР отмечает сохраняющиеся проблемы относительной бедности, проблемы чрезмерной продолжительности рабочего времени, удовлетворённости жизнью, социального доверия и психического благополучия. В 2022 году продолжительность жизни корейцев превышала средний уровень ОЭСР, но показатели самооценки здоровья оставались относительно низкими, а смертность от самоубийств – высокой.

Таким образом, корейская модель подтверждает, что инвестиции в человеческий капитал способны обеспечить взаимное усиление роста и объективного благополучия. Одновременно она показывает пределы стратегии, ориентированной на интенсивную конкуренцию, образовательные достижения и длительный труд: после достижения высокого материального уровня центральными становятся психическое здоровье, социальные связи, гендерное равенство, свободное время и качество городской среды.

Норвегия представляет пример страны, сумевшей преобразовать доходы от невозобновляемых ресурсов в устойчивое общественное благополучие. Наличие нефти само по себе не гарантирует высокого качества жизни: международный опыт показывает, что ресурсное богатство может сопровождаться коррупцией, макроэкономической нестабильностью и неравенством. Особенность Норвегии заключается в институциональном механизме управления рентой.

Чистые государственные доходы от нефтяной деятельности перечисляются в Государственный пенсионный фонд – Глобальный. Его назначение состоит в долгосрочном сохранении и приумножении нефтегазового богатства в интересах нынешнего и будущих поколений. Средства инвестируются за пределами страны, что снижает давление сырьевых доходов на внутреннюю экономику.

Фискальное правило ограничивает использование нефтяных средств ожидаемой реальной доходностью фонда. Таким образом, временный поток доходов от добычи преобразуется в более долговременный финансовый источник. Государственные нефтяные поступления полностью направляются в фонд, а перечисления в бюджет производятся по решению парламента.

Этот механизм уменьшает зависимость текущих расходов от колебаний нефтяных цен и создаёт межпоколенческое распределение ренты. Он сочетается с универсальными системами образования, здравоохранения и социальной защиты, высоким уровнем занятости и сравнительно низким неравенством. Норвежские правительственные документы прямо связывают высокий уровень участия в рынке труда и универсальное социальное государство с сокращением бедности и улучшением жизненных условий уязвимых групп.

В 2023 году Норвегия занимала второе место по ИЧР: индекс составлял 0,970, ожидаемая

продолжительность жизни – 83,3 года . Однако важен не сам высокий показатель дохода, а институциональная архитектура, обеспечивающая его трансформацию в общественные услуги, социальную устойчивость и финансовые активы будущих поколений.

Норвежский кейс показывает, что ресурсный рост становится основой качества жизни только при прозрачном управлении, макроэкономической дисциплине и сильных общественных институтах. Рента используется не как замена производительности и занятости, а как дополнение к развитой несырьевой экономике и человеческому капиталу.

Коста-Рика интересна тем, что её социальные и медицинские результаты заметно превосходят ожидания, основанные исключительно на уровне дохода. Страна не относится к наиболее богатым экономикам мира: ВВП на душу населения в 2024 году составлял около 18,6 тыс. долларов в текущих ценах. При этом ожидаемая продолжительность жизни достигала примерно 81 года, что близко к среднему уровню ОЭСР.

ПРООН относит Коста-Рику к группе очень высокого человеческого развития. В 2023 году её ИЧР составлял 0,833, ожидаемая продолжительность жизни – 80,8 года, а валовой национальный доход на душу населения – 23,4 тыс. международных долларов по ППС 2021 года . Примечательно, что по ожидаемой продолжительности жизни страна опережает ряд государств с существенно более высоким доходом.

Объяснение связано с длительными инвестициями в первичную медицину, образование и социальную инфраструктуру, а также с относительно широким доступом к базовым услугам. Следовательно, институциональная способность эффективно использовать ограниченные ресурсы способна частично компенсировать более низкий уровень ВВП.

В то же время высокий средний медицинский результат не исключает проблем занятости, бюджетной устойчивости, территориальных различий и неравенства. Коста-Рика показывает, что качество жизни не является простой функцией объёма дохода, но не доказывает его незначимость. Умеренный рост остаётся необходимым для финансирования инфраструктуры и социальных программ. Особенность модели состоит в более высокой эффективности конвертации каждого дополнительного ресурса в здоровье и человеческое развитие.

Данный кейс особенно важен для сравнительного анализа: страны с ограниченными доходами способны достигать высоких социальных результатов, если устанавливают правильные приоритеты. И наоборот, более богатые государства могут демонстрировать худшие показатели здоровья, если ресурсы распределяются неэффективно или социальные и экологические риски остаются без внимания.

Рассмотренные кейсы позволяют выделить несколько закономерностей (см. рис. 2).

Во-первых, при низком исходном уровне дохода быстрый рост способен радикально улучшить материальные условия. Ранняя Южная Корея показывают, что индустриализация, создание рабочих мест и инфраструктуры существенно сокращают абсолютную бедность. В этой фазе основным ограничением качества жизни является нехватка ресурсов.

Во-вторых, человеческий капитал является одновременно результатом и двигателем роста. Южная Корея достигла технологического развития благодаря массовому образованию и укреплению здоровья населения. Коста-Рика демонстрирует, что приоритет социальных инвестиций позволяет получать высокие результаты даже при умеренном доходе.

В-третьих, институты определяют способность общества распоряжаться результатами роста. Норвегия преобразовала временную нефтяную ренту в долгосрочные финансовые активы и универсальные общественные услуги. Слабое управление ресурсами могло бы привести к противоположному результату.

В-четвёртых, рост может порождать издержки, которые не отражаются в ВВП. Южная Корея столкнулась с дефицитами психического благополучия и баланса времени. Поэтому на высоких стадиях развития требуется переход от максимизации выпуска к оптимизации структуры

благополучия.

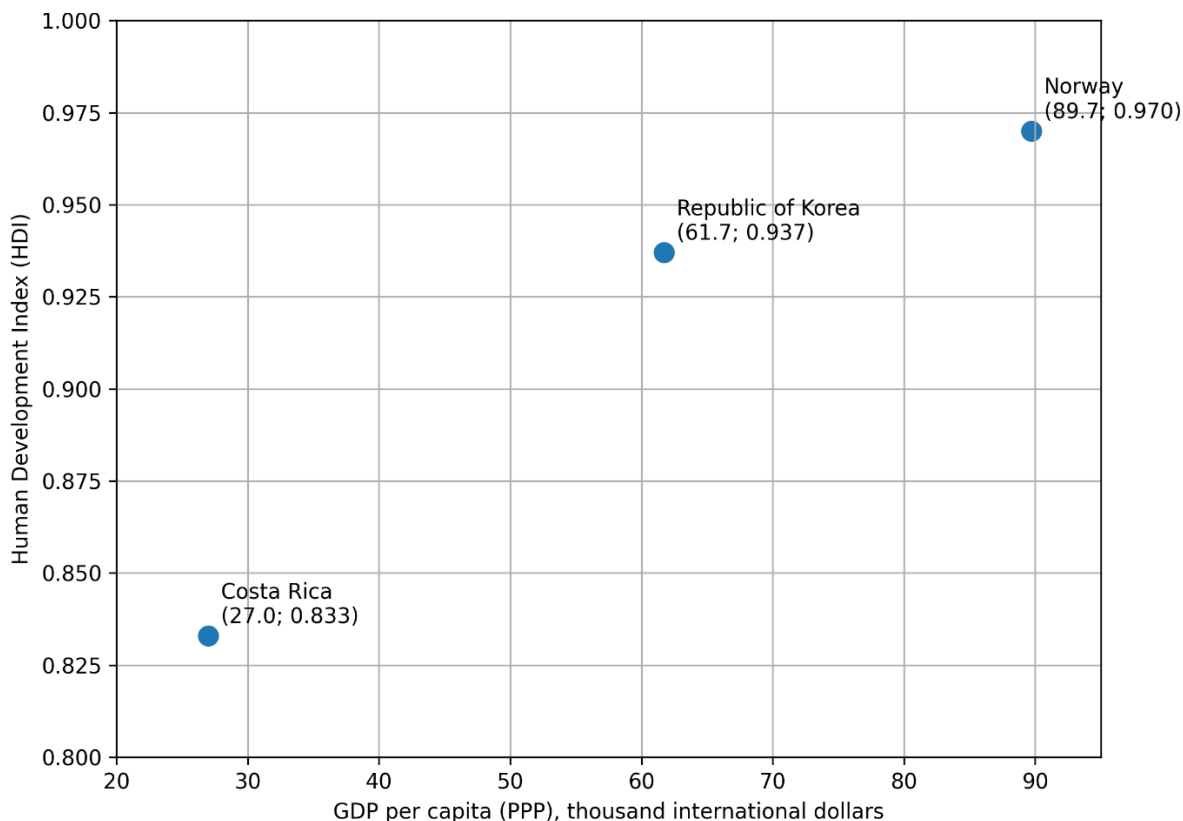

Рисунок 2 – Эффективность преобразования экономического в человеческое развитие в анализируемых странах

Источник: построено авторами

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что взаимосвязь между экономическим ростом и качеством жизни имеет сложный двусторонний характер. Рост создаёт доходы, рабочие места и бюджетные ресурсы, необходимые для удовлетворения материальных потребностей и развития общественных услуг. Его воздействие особенно значительно при низком исходном уровне благосостояния, когда дополнительные ресурсы направляются на питание, жильё, санитарные условия, базовую медицину и образование.

По мере повышения дохода связь становится менее прямой. Возрастают значение распределения, качества труда, свободного времени, экологии, доверия, психического здоровья и социальных отношений. Дополнительный рост ВВП может сопровождаться как улучшением, так и ухудшением отдельных сторон жизни. Поэтому динамику производства нельзя использовать в качестве единственного критерия общественного прогресса.

Качество жизни, в свою очередь, формирует условия роста. Здоровье и образование повышают производительность, социальная защищённость облегчает адаптацию к изменениям, доверие уменьшает транзакционные издержки, а благоприятная среда способствует привлечению и сохранению человеческого капитала. Социальная политика, таким образом, является не только механизмом распределения уже созданного дохода, но и формой долгосрочных производительных инвестиций.

Международный опыт подтверждает, что решающим является не богатство само по себе, а институциональная способность преобразовывать его в человеческое развитие. Южная Корея показывает продуктивность взаимного усиления индустриализации и человеческого капитала,

Норвегия – значение институтов управления ресурсной рентой, Коста-Рика – возможность достижения высоких социальных результатов при умеренном доходе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Easterlin, R. A., Angelescu, L. Modern Economic Growth and Quality of Life: Cross Sectional and Time Series Evidence. 2007. DOI: 10.1007/978-94-007-2421-1_6.
2. Easterly, W. R. Life During Growth // *Journal of Economic Growth*. 1999. Vol. 4. P. 239–276. DOI: 10.1596/1813-9450-2110.
3. Lee, Y., Goh, K. The Happiness–Economic Well-Being Nexus: New Insights From Global Panel Data // *SAGE Open*. 2023. Vol. 13. DOI: 10.1177/21582440231199659.
4. Bartolini, S., Sarracino, F. Happy for How Long? How Social Capital and Economic Growth Relate to Happiness over Time // *Ecological Economics*. 2014. Vol. 108. P. 242–256. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.10.004.
5. Graham, C., Laffan, K., Pinto, S. Well-Being in Metrics and Policy // *Science*. 2018. Vol. 362. P. 287–288. DOI: 10.1126/science.aau5234.
6. Cole, W. Wealth and Health Revisited: Economic Growth and Wellbeing in Developing Countries, 1970 to 2015 // *Social Science Research*. 2019. Vol. 77. P. 45–67. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.09.003.
7. Niu, X., Yang, Y., Wang, Y. Does the Economic Growth Improve Public Health? A Cross-Regional Heterogeneous Study in China // *Frontiers in Public Health*. 2021. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.704155.
8. Mikucka, M., Sarracino, F., Dubrow, J. K. When Does Economic Growth Improve Life Satisfaction? Multilevel Analysis of the Roles of Social Trust and Income Inequality in 46 Countries, 1981–2012 // *World Development*. 2017. Vol. 93. P. 447–459. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.01.002.
9. Huang, F., Ding, H., Han, N., Li, F., Zhu, T. Does Wealth Equate to Happiness? An 11-Year Panel Data Analysis Exploring Socio-Economic Indicators and Social Media Metrics // *PLOS ONE*. 2024. Vol. 19. DOI: 10.1371/journal.pone.0301206.
10. Kallis, G., Hickel, J., O'Neill, D. W., et al. Post-Growth: The Science of Wellbeing within Planetary Boundaries // *The Lancet Planetary Health*. 2025. Vol. 9, No. 1. P. e62–e78. DOI: 10.1016/S2542-5196(24)00310-3.
11. Cui, Y., Tian, H., An, D., Jia, Y. Quality of Life and Regional Economic Development: Evidence from China // *PLOS ONE*. 2024. Vol. 19. DOI: 10.1371/journal.pone.0298389.
12. Fan, Q., Goetz, S., Liang, J. The Interactive Effects of Human Capital and Quality of Life on Economic Growth // *Applied Economics*. 2016. Vol. 48. P. 5186–5200. DOI: 10.1080/00036846.2016.1173180.
13. Wong, C. The Relationship Between Quality of Life and Local Economic Development: An Empirical Study of Local Authority Areas in England // *Cities*. 2001. Vol. 18. P. 25–32. DOI: 10.1016/S0264-2751(00)00051-2.
14. Wu, X., Li, J. Income Inequality, Economic Growth, and Subjective Well-Being: Evidence from China // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2017. Vol. 52. P. 49–58. DOI: 10.1016/j.rssm.2017.10.003.
15. De Neve, J., Ward, G., De Keulenaer, F., Van Landeghem, B., Kavetsos, G., Norton, M. The Asymmetric Experience of Positive and Negative Economic Growth: Global Evidence Using Subjective Well-Being Data // *The Review of Economics and Statistics*. 2018. Vol. 100. P. 362–375. DOI: 10.1162/rest_a_00697.
16. Dodds, S. Economic Growth and Human Well-Being // *Human Ecology, Human Economy*. 2020. DOI: 10.4324/9781003136866-5.
17. Wang, Z., Asghar, M. M., Zaidi, S., et al. The Dynamic Relationship Between Economic Growth and Life Expectancy: Contradictory Role of Energy Consumption and Financial Development in Pakistan // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2020. DOI: 10.1016/j.strueco.2020.03.004.
18. Rajnoha, R., Lesníková, P., Vahančík, J. Sustainable Economic Development: The Relation Between Economic Growth and Quality of Life in V4 and Austria // *Economics & Sociology*. 2021. DOI: 10.14254/2071-789X.2021/14-3/18.
19. Brady, D. J., Kaya, Y., Beckfield, J. Reassessing the Effect of Economic Growth on Well-Being in Less-Developed Countries, 1980–2003 // *Studies in Comparative International Development*. 2007. Vol. 42. P. 1–35. DOI: 10.1007/s12116-007-9003-7.
20. Eom, Y., Yi, C. A Structural Equation Model Analysis on the Quality of Life of Trade, Foreign

Investment, Human Development, and Economic Growth // Journal of Korea Research Association of International Commerce. 2023. DOI: 10.29331/jkraic.2023.2.23.1.155.

21. Deller, S., Tsai, T., Marcouiller, D., English, D. The Role of Amenities and Quality of Life in Rural Economic Growth // American Journal of Agricultural Economics. 2001. Vol. 83. P. 352–365. DOI: 10.1111/0002-9092.00161.

22. Nelson, P. Quality of Life, Nontraditional Income, and Economic Growth: New Development Opportunities for the Rural West // Rural Development Perspectives. 1999. Vol. 14. P. 32–37.

23. Lange, S., Vollmer, S. The Effect of Economic Development on Population Health: A Review of the Empirical Evidence // British Medical Bulletin. 2016. Vol. 121. P. 47–60. DOI: 10.1093/bmb/ldw052.

24. Sharma, R. Health and Economic Growth: Evidence from Dynamic Panel Data of 143 Years // PLOS ONE. 2018. Vol. 13. DOI: 10.1371/journal.pone.0204940.

25. Rijpma, A., Philips, R. C. M., Van Bavel, B. V. Multidimensional Composite Indicators of Well-Being: Applications in Economic History // Journal of Economic Surveys. 2024. DOI: 10.1111/joes.12622.

The Relationship Between Economic Growth and Quality of Life: From the Mechanisms of Interaction to the International Context

Shkiotov Sergey Vladimirovich

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Nevolina Sofya Evgenyevna

Student

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia

E-mail: nevolinase.23@edu.ystu.ru

KEYWORDS

economic growth; quality of life; gross domestic product; subjective well-being; sustainable development

ABSTRACT

This article examines the relationship between economic growth and quality of life within the framework of contemporary theoretical approaches and international experience. It provides an analysis of both domestic and international scholarly research on the impact of economic growth on the objective and subjective dimensions of quality of life. The findings indicate that the positive effects of economic growth are most evident in improvements in population health, increases in life expectancy, reductions in poverty, and expanded access to education and public services, particularly in low- and middle-income countries. At the same time, the study demonstrates that an increase in gross domestic product does not automatically translate into higher levels of well-being, as the outcomes of economic development depend on the quality of public institutions, the degree of socioeconomic inequality, environmental conditions, and the effectiveness of public policy. Particular attention is paid to the bidirectional nature of this relationship, whereby quality of life is viewed not only as an outcome of economic growth but also as an important driver of long-term economic development through the accumulation of human capital, the strengthening of social trust, and the enhancement of the investment attractiveness of territories. Based on an analysis of international case studies of the Republic of Korea, Norway, and Costa Rica, the article shows that sustainable improvements in quality of life depend less on the scale of economic growth than on the efficiency with which economic resources are transformed into human development, social protection, and environmental sustainability. The study concludes that there is a need to move beyond assessing the rate of gross domestic product growth toward a comprehensive evaluation of the quality of socioeconomic development.
